
СЕМИОТИКА И ПОЭТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

УДК 81'42

СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ РУССКОЯЗЫЧНОГО ПИСАТЕЛЯ-БИЛИНГВА*

А.Б. Туманова

Кафедра гуманитарных дисциплин
Казахстанско-Британский технический университет
ул. Толе би, 59, Алматы, Казахстан, 050000

Статья посвящена проблеме взаимосвязи языка и культуры. В ней описываются особенности взаимовлияния языков в Казахстане (например, русского и казахского языков), в результате чего формируется особая контаминированная языковая картина мира писателя-билингва.

Ключевые слова: язык, культура, картина мира, языковая картина мира, художественный дискурс, русский язык, казахский язык, второй родной язык, писатель-билингв, взаимовлияние культур, контаминированная языковая картина мира.

В последние десятилетия проблемы, связанные с языком и культурой разных народов, с репрезентацией языковой картины мира и языковой личности, являются весьма актуальными в современной науке.

Многие вопросы рассматриваются с позиций антропоцентризма, который предусматривает исследование языка с учетом его связи с индивидуумом, его самосознанием, с его трудовой и ментальной деятельностью, с его картиной мира.

В связи с этим приведем справедливое, на наш взгляд, высказывание В.И. Постоваловой о том, что «язык непосредственно участвует в двух процессах, связанных с картиной мира. Во-первых, в его недрах формируется языковая картина мира, один из наиболее глубинных слоев картины мира у человека. Во-вторых, сам язык выражает и эксплицирует другие картины мира человека, которые через посредство специальной лексики входят в язык, привнося в него черты человека, особенности его культуры. При помощи языка опытное знание, полученное индивидами, превращается в коллективное достояние, коллективный опыт» [1].

* Рец. проф. Р.З. Загидуллин (Казахстанско-Британский технический университет), проф. В.С. Ли (КНУ им. Аль-Фараби).

Как известно, в научных исследованиях все чаще и активнее язык представляется в качестве «культурного кода нации».

Мысль же о связи языка и культуры была впервые высказана В. фон Гумбольдтом, который утверждает, что национальный характер культуры находит отражение в языке посредством особого видения мира. Основные положения исследований ученого относительно языка сводятся к следующему: язык является связующим звеном между человеком и его миром, языку присуща специфическая для каждого народа внутренняя форма, которая определяется им как выражение духа народа, его культуры [2]. Дальнейшее развитие данной точки зрения находим в научных изысканиях А.А. Потебни, Ш. Балли, Р.О. Якобсона, Э. Сепира, Б. Уорфа, В.Н. Телии, Е.С. Яковлевой, В.А. Масловой, Э.Д. Сулейменовой, Ш.К. Жаркынбековой и др.

Язык и культура являются относительно самостоятельными феноменами, онтологическое единство которых обеспечивается через значения языковых знаков различных типов и уровней. В ходе репрезентации картины мира ведущая роль отводится родному языку. Эту мысль наиболее точно выразил В. фон Гумбольдт, который утверждал, что национально-культурное «присвоение» мира происходит под воздействием родного языка, т.к. мы можем подумать о мире только в единицах своего языка, пользуясь его концептуальной сетью, т.е. оставаясь в круге, описанном вокруг нас языком [2].

Цель статьи — определить специфику языковой картины мира в художественном дискурсе писателя-билингва как результат контаминации языков и культур (в нашем случае — русского и казахского языков) в Казахстане (на материале произведений русскоязычных писателей-казахов второй половины XX — начала XXI в.).

Собственно лингвистический статус русского языка во многом определяется особой лингвистической ситуацией, которую принято рассматривать как «речевое общение в условиях языковой неоднородности», степень неоднородности которой и влияние ее на выбор того или иного языкового кода определяются социальными и ситуативными условиями, при которых осуществляется речевая коммуникация.

По отношению к функционированию русского языка в странах СНГ, в частности в Казахстане, наиболее типичны такие ситуации:

1) говорящие владеют каждый своим языком и языком-посредником, т.е. языком межнационального общения, в качестве которого обычно выступает не третий язык, а один из двух первых (такова роль русского языка в нынешних странах СНГ);

2) говорящие владеют двумя общими языками, один из которых осознается ими как родной; общение может происходить то на одном, то на другом языке.

Третий тип языковой ситуации, характерный, например, для Казахстана, Л.П. Крысин определяет следующим образом: «Один из коммуникантов, помимо своего родного языка (L-1), владеет языком собеседника (L-2), в то время как собеседник не знаком с языком (L-1) или владеет им недостаточно; речевое общение может осуществляться, естественно, только при помощи L-2: ср., например, общение русских и представителей коренных национальностей в республиках бывшего

СССР (в большинстве случаев русские плохо владеют языком коренной национальности — таджикским, узбекским, киргизским, литовским, латышским, эстонским и др., — и поэтому речевое общение между русскими и носителями этих языков часто происходит по-русски)» [3. С. 3—4].

Указанные ситуации, приводящие к различного рода взаимодействиям языков, в условиях полиэтнического общества способствуют созданию особой лингвокультурной, социальной среды со своими устоявшимися или формирующимися языковыми и поведенческими стереотипами, которые в итоге позволяют говорить об особой языковой культуре и субкультуре в определенном регионе.

Применительно к рассматриваемой нами проблеме корректнее будет говорить о резких изменениях не в языке как таковом, а в соответствующей языковой субкультуре, поскольку они не касаются кодовых и системоорганизующих основ русского языка. Коренные преобразования и изменения, как правило, не замечаются и не осознаются носителями и «пользователями» языка, так как они проявляются лишь на уровне речевого поведения и дискурсивной деятельности, осуществляемой в соответствии с новыми нормами и узусом языковой культуры. Подобное происходит и в современной русской языковой культуре и в ее субкультурах.

Н.И. Гайнуллина утверждает, что «норма переходного периода» привела к совершенно новому в истории русского языка феномену, который пока не осознается как свершившийся факт, но рано или поздно о нем будут, возможно, говорить как об очевидном явлении [4]. Речь идет о русских языковых субкультурах в странах СНГ. Можно, конечно, не замечать эти формирующиеся языковые субкультуры или, наоборот, утрировать их самостоятельность, однако есть некоторые основания считать, что такие языковые субкультуры уже формируются. Сравним такие понятия, как «*исконный русский язык*» (имеется в виду русский язык на исконной территории России), «*российский вариант русского языка*» (русский язык на территории нынешней России), «*полиэтнический русский язык*» или «*полинациональный русский язык*» (в рамках международного функционирования русского языка), «*русский язык ближнего (дальнего) зарубежья*»: «*украинский вариант русского языка*», «*белорусский вариант русского языка*», «*русский язык Казахстана*» и т.п. (см. об этом работы казахстанских ученых: Б.Х. Хасанова, Э.Д. Сулейменовой, О.Б. Алтынбековой, Е.А. Журавлевой, Д.Д. Шайбаковой и др.).

Считать русский язык в Казахстане, в том числе русский язык писателей-билингвов, каким-то иным языком, чем русский язык на исконной территории (в России), нет пока веских оснований. Можно говорить о сформировавшейся особой субкультуре как результате взаимодействия двух национальных культур и изменений в функционировании русского языка в новых геополитических условиях, когда под влиянием экстралингвистических причин изменились лишь внешние, статусные отношения между языками — казахским и русским. Собственно языковые, глубинные основы (на уровне языковой концептуализации мира, на уровне лингвокультурных концептов, национально-языковой ментальности

и т.п.), определяющие особенности взаимодействия русского и казахского языков, русской и казахской культур, исторически устойчивы, и это подтверждает языковая практика казахстанских писателей-билингвов.

Одним из самых ярких и одновременно чрезвычайно сложных проявлений вариантов русского языка в современных условиях служит художественный дискурс писателей-билингвов, казахов по национальности, пишущих на русском (втором родном) языке.

В их творчестве проявилось с наибольшей глубиной взаимопроникновение двух культур и, главное, двух языковых картин мира — казахской и русской. Это привело к формированию в пределах уже сложившейся субкультуры особого лингвокультурного феномена, в котором взаимоотношение между используемым языковым кодом и историко-культурной памятью этноса (в том числе и отдельной языковой личности) носит в высшей степени сложный и неоднозначный характер.

Особый интерес в этом отношении вызывает творчество писателей инациональной (не русской) культуры, пишущих на русском языке, авторов-билингвов, которых научное сообщество уже по традиции объединило в одну типологическую общность под названием «русскоязычных писателей-билингвов».

В связи с этим в настоящее время, отмечает У.М. Бахтикерева, когда соединение истории с лингвистикой в новой исторической данности стало объективным, возникла возможность историко-лингвистического анализа процессов, характерных для единой в XX в. общности, в частности — русско-национального коммуникативного двуязычия/билингвизма, в пределах которого особое место занимает художественный билингвизм.

При этом художественный текст, обусловленный билингвальным творческим сознанием, до сих пор остается одним из самых загадочных и малоизученных лингвистических объектов [5. С. 1].

По мнению исследователя, передачу русского текста не русским по этническому статусу писателем нередко относят к отступлениям от нормы, а обусловленные речевой деятельностью билингвального автора тексты, создающие художественный образ первичной культуры на языке приобретенной, имеют свои особенности и кодируются в сознании носителей обоих языков как «необычные» [5. С. 5].

Способ же объяснения такого типа русских текстов традиционно основывался на анализе этнолексики, не связанном с речемыслительной деятельностью индивида и закономерностями взаимодействия различных языков и культур. Однако осмысление и научно-теоретическая интерпретация подобного лингвокультурного явления, нашедшего отражение в художественном дискурсе писателя-билингва, осуществляются порой в упрощенно-радикальной форме, когда во внимание принимаются или лишь мировоззренческая составляющая, или лишь собственно языковой код текста.

В этой связи русскоязычный писатель К. Кабдрахманов говорит следующее: «Казахские писатели, пишущие на русском языке, — это обычно люди, родившиеся в городах, выросшие в русскоязычной среде, окончившие русские школы, и для

них это не было предметом выбора. Особенность творчества этих людей состоит в том, что они носят в своей душе глубочайшую внутреннюю травму и прежде всего задают себе вопрос: «Кто я?». И это казахские писатели, а не русские, потому что судить нужно не по языку творчества, а по тем вопросам, которые поднимает художник, по ответам, которые он дает. Нужно иметь в виду, что человеку, работающему со словом, перейти на другой язык почти невозможно, потому что для нас это все равно, что поменять дыхание. Случаи, когда писатели начинали творить на другом языке, крайне редки и уникальны. Кроме того, казахстанский русский язык совершенно отличен от русского языка как такового. В этом смысле люди, которые делают литературу на казахстанском русском языке, по проблематике — казахские писатели, и они делают казахстанскую литературу. Можно сказать, что у нас ситуация примерно такая же, как в Индии. Там есть писатели, пишущие на хинди, и есть пишущие на английском языке, — но это индийские писатели. Допустим, Чингиз Айтматов начинал писать на кыргызском языке, затем перешел на русский, и сейчас его гораздо больше издают в России, но он при этом остается национальным писателем» [6. С. 1]. Сравним также менее категоричное высказывание одного из казахстанских писателей-билингвов А. Жаксылыкова: «Все мы делаем одно дело. А раз так, получается, что, хотя я пишу на русском языке, я не работаю против своего народа, не разваливаю контекст культуры своего народа, наоборот, мой русский язык — инструмент творчества — помогает решать какие-то задачи моего народа» [7. С. 2].

Как известно, индивидуально-авторская картина мира писателя-билингва, в значительной степени определяющая когнитивно-содержательную сторону художественного дискурса конкретного автора произведения, во многом складывается из фрагментов разных национальных картин мира.

Эти фрагменты, тем не менее, образуют органично целостное, единое «полотно», на котором идиоэтнические черты разных языков и культур проявляются не как инородные вкрапления, а как атрибуты особого видения действительности, особой картины мира, по отношению к которой обоснованно использовать термин «контаминированная (негомогенная) картина мира».

Совершенно очевидно, что такой тип картины мира может быть объяснен как проявление взаимодействия многих факторов историко-культурного, социально-политического и собственно лингвокультурного характеров, порождающих своеобразную третью, нестандартную и потому особую, необычную картину мира. Особое место среди всех таких факторов занимают социолингвистические процессы, влияющие на функционирование языка и языков в определенных социумах, неоднородных (негомогенных) в этническом и языковом отношении.

Именно в таких социумах, в которых исторически сложились условия для взаимодействия культур, межкультурной коммуникации и необходимость в них, объективно формируются особые культуры, в том числе и языковые культуры и субкультуры.

Собственно лингвистический аспект контаминированной картины мира предполагает, прежде всего, исследование взаимодействия двух языков (русского и ка-

захского), установление их социолингвистического статуса с учетом функционирования их в определенных ареалах, в том числе и за пределами исторически исконных своих территорий.

В этом отношении судьба русского языка чрезвычайно показательна, поскольку в ней представлена история взаимодействия разных культур, разных видений мира, т.е. разных картин мира, в том числе русской и казахской. И это взаимодействие оказало решающее влияние на индивидуально-авторскую картину мира писателя-билингва, создающего свои художественные произведения на втором родном языке, каковым является для них русский язык. Этот язык передает особую инонациональную культуру, и она связана с историей функционирования русского языка за пределами своей исконной территории.

Исследования национальной языковой картины мира помогают понять различия и сходства национальных культур, их взаимодополнение на уровне общечеловеческой культуры. Деятельность человека включает в качестве составной части и символическую, т.е. культурную составляющую, которая является одновременно и универсальной, и национально специфичной. Эти ее свойства определяют как своеобразие языковой картины мира, так и ее универсальность.

В связи с этим при анализе языковой картины мира следует учитывать универсальные и идиоэтнические свойства языковых единиц (концепты, сравнения, символы и т.п.). Различия между языками обусловлены различием культур, которые наиболее легко эксплицированы с помощью лексических средств языка, национально-культурное своеобразие которых может проявляться не только в наличии безэквивалентных единиц, но и в лакунах, указывающих на отсутствие в данном языке слов и значений, выраженных в других языках (рассмотрение данного вопроса выходит за рамки данной статьи) [8].

Лингвокультурные концепты формируются вокруг строго определенных базовых категорий, в которых проявляются основные ипостаси бытия человека, к которым относят ландшафтно-географические представления, флору и фауну, окружающую человека, природно-климатические условия, артефакты, созданные человеком и бытующие у определенного народа, одежду и тип питания, присущий тому или иному этносу, обычаи, традиции народа, жизненные ценности, нормы и др. Язык как способ и средство выражения лингвокультурного концепта дает ему национально специфичную, идиоэтническую интерпретацию, прежде всего базовых категорий концепта.

Поэтому лингвокультурные концепты в разных языках лишь соотносимы, но не тождественны (сравним, например, концепты *степь*, *родина* и др. в русской картине мира и в казахской), и это проявляется в способности их становиться ключевыми знаками определенной лингвокультуры.

Концепт *родина* в авторской речи писателя-билингва представляется сложным явлением, в структуру которого входят такие синонимические единицы языка, как *родина*, *степь*, *родные степи*, *земля предков*, *родная земля*, *родные кочевья*, *дети*, *мать*, *радость*, *счастье*, *слезы* и др. Например:

Саки обезумели от радости. Они мчались, бросив поводья и широко раскинув руки, словно желая обнять необъятную степь, слизывая с губ сладкую пыль родной земли и вдыхая всей грудью аромат степного разнотравья. Суровые воины плакали,

как дети, и не стыдились своих слез, потому что они и были детьми, которые прошли сквозь муки и страдания, кровь и смерть, совершили невозможное и пришли к ней, к своей матери — Родине! (Джандарбеков, Томирис, 1981, С. 205).

В универсальном концепте *родина* особое место занимает слово *степь*, которое нами признано идиоэтническим концептом. Данное слово актуализирует следующие основные текстовые значения: *степь* — ‘безлесное пространство, бедное влагой и обычно ровное пространство с травянистой растительностью в зоне сухого климата’ (основное словарное значение); ‘родина, место рождения’; ‘страна, родная земля, место проживания’; ‘поле (место битвы)’; ‘народ/общество, мнение людей’; ‘незнакомое, прекрасное’; ‘святое место, колыбель’. Во всех перечисленных значениях присутствует образ натурфакта — *степь* — в качестве ‘снятого момента’, обусловленного узуальными языковыми связями, закрепленными в обоих языках (русском и казахском).

Основной смысл, связывающий все семемы в художественном дискурсе писателя-билингва, — ‘родина, страна, родная земля’; данный смысл выступает как семантическая константа при всех вариациях концепта *степь* в контаминированной картине мира [8].

В ходе исследования нами выделены устойчивые функциональные заменители слова *степь* — *Казахия*, *простор/пространство*, *край/земля*, *кочевья*, *народ/общество*, *окружающие люди*, *мнение людей* и др.

Метонимия *Казахия* не обладает высокой частотностью, однако оно имеет глубокое, более емкое смысловое наполнение, указывающее на выполнение идентифицирующей идиоэтнической функции в данном ряду репрезентаций концепта *родина*. В нем заключаются одновременно все актуальные смыслы — «родина, народ, государство, земля», что позволяет утверждать, что данная единица используется писателем в момент описания решающих исторических событий, играющих важную роль в судьбе казахского народа. Ср.:

Джуг помог джунгарам осилить Казахию. Стон несся по всей казахской земле от Алтая до Едиля. Умирала великая Казахия. Умирал народ, проклиная всех богов... (Алимжанов, Гонец, 1974, С. 16).

Анализ реализованных во фрагментах смыслов идиоэтнического концепта *степь* позволяет говорить о направленности образной семантики к двум культурам — казахской и русской, а колоритообразующие признаки ориентированы на усиление национально значимых рядов смысловых сочетаний, представляющих специфику языковой картины мира писателя-билингва.

Лингвокультурные концепты и в целом концептосфера того или иного языка вступают в сложные взаимоотношения с индивидуально-авторской картиной мира писателя, поэтому национально-культурные концепты вводятся в общий художественный контекст лишь в авторской интерпретации. Такой характер влияния лингвокультурных концептов и национальных реалий на языковое сознание писателя необходимо учитывать при исследовании идиостиля определенного автора не только как языковой личности, но и как представителя соответствующей национальной картины мира. Таким образом, исследования позволяют утверждать, что

в художественном дискурсе писателя-билингва возникает некое наложение одного языка на другой, их соприкосновение и сосуществование, приводящее в конечном итоге к тому, что перед читателем предстает особая языковая картина мира (не чисто русская и не чисто казахская, а некая третья), обозначенная нами как контаминированная [8].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Постовалова В.И.* Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. — М.: Наука, 1988.
- [2] *Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию. — М.: Радуга, 1984.
- [3] *Крысин Л.П.* Речевое общение в лингвистически и социально неоднородной среде // Речевое общение в условиях языковой неоднородности. — М., 2000. — С. 3—12.
- [4] *Гайнуллина Н.И.* О смешанном характере русского языка и норме переходного периода // Вестник КазНУ. Серия филологическая. — № 2 (74). — Алматы, 2004. — С. 4—7.
- [5] *Бахтикиреева У.М.* Художественный билингвизм и особенности русского художественного текста писателя-билингва: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. — М., 2005.
- [6] *Кабдрахманов К., Ауэзов М.* Сложный выход из инобытия // Литературная газета Казахстана. — 2007. — 17 апреля.
- [7] *Жаксылыков А., Ауэзов М.* Сложный выход из инобытия // Литературная газета Казахстана. — 2007. — 17 апреля.
- [8] *Туманова А.Б.* Контаминированная языковая картина мира в художественном дискурсе писателя-билингва. Монография. — Алматы, 2010.

THE LANGUAGE WORLDVIEW SPECIFICS IN THE FICTION DISCOURSE OF A RUSSIAN-SPEAKING BILINGUAL WRITER

A.B. Tumanova

The Department of Humanities
The Kazakh-British Technical University
Tole bi Str., 59, Almaty, Kazakhstan, 050000

This article is devoted to the problem of the language and culture connections. It describes the peculiarities of the language interrelations in the Republic of Kazakhstan (on the basis of the Kazakh and Russian languages), resulting in forming the specific contaminated language worldview of a bilingual writer.

Key words: language, culture, language worldview, fiction discourse, the Russian language, the Kazakh language, second language, a bilingual writer, cultural interrelation, contaminated language worldview.